

Аркадий Драгомощенко

ИЗВИРАЯ ОСТРОВА И ОСЕНЬ

Минуло все.. Дождь серые шелка истлели,
обнажая виденья деревьев в изогнутых солнцем
воздушных стремнинах,
И, точно демоны, в кругах тьмы небесной,
сокрушая безмолвным криком тяжкие своды слуха =
Трубило золото в рог, паря над камнем крови,
И мох был влажен, и волосы наши были отмечены
движеньем.

Головокруженье стлалось,
Облака умирали, семена близились,
И стало горше жалости бремя,
О, дальцы, не отпускающие корни земли!
Плодов обольщенье!..
Мерцал чешуй холода след змеиный,
К винограде, в ягоде янтарной доселе и жаркой,
уже отмывала осень мелное зеркало хмеля.

Безумие елва не коснулось нас,
Радужными очами оно одевало то, что крошилось,
Раздавленный одиночеством, подобно капле
на лезвии стебля раскачиваясь,
Я смылся вспомнить законы речи.
Это безумие, шептал я, имена выгорают и шум их нам
страшен,
Великие деревья заката дымятся на горизонте,
Муравьи угасшие, точно говора губы, плачем траурным
пересекают тропу лица,
И все проходит мимо.
В бессильи понять = возлюблены мы или брошены,
Скуля, как побитый пес, я водил по глазам пальцами
с недоумением.
Голубые перья вливались в кровли,
И глухо искрился мел в коетрах, изломанных мраком.

Словно сад, погруженный в озеро –
В раскаленное око зенита – по цуге
восходящего солнца к вершинам
хвойных холмов,
Этот крик опрокинутый деревя
в муравьиных подземных плинотах,
прорастал в слоистую кость,
к югу и смерти несет.
И трещат средостения дней,
Соты лет наливаются медом,
Черных птиц опаляет дыханье
отторгаемой гневом молвы, уменьшает
в телах, обращает в колючее пламя,
что метет змойный смерч в Эдема
ночные поля,
Мы возьмем легкий заступ,
Свечей золотистых, как утро,
И свидетельство дрезности строгой –
Бутыль с виноградным вином,
Вечноюным и гибким, как призраки
полнолуния,
льнувшие зыбко к росистым, просиявшим
цветам,
Что найдем – то не наше,
Утратим? Того не расслышим,
Не заметим как сны пролетят, осыпаясь
снегами в садах,
Чтобы новой весной на рассвете
незримые стебли вновь бы сердце поили
неземной пустотой.

И было соткано мгновение свободы
из равновесий тьмы и воздуха, холмов, равнины,
косноязычных страшений в памяти, когда ..
слепой вожатый разум, озираясь, к истокам дней
неумолимо вел,
Где тайное родство гремело явью,
повелевавшей кровью и листвой, которой ветер
одарял на юге..
И детства ясный синий знамя покоялся в осенней
паутине = кристалл бездонный в клаузе почей.
Не скликай, немотствуй!
Ветер ныне там заплетает пряди дней в волокна
остывающего праха,
как я вплетаю волосы твои в свое дыханье.
Бог мой, как огромно, немыслимо число меня
в согласии растений, насекомых, ресниц и смеха,
Как легки = что юношества сны = те, кто приходит
с моим лицом и голосом моим темнущих сосков
косянуться ртами,
Когда смеешься ты..
Когда чело, как лед весеннего протаявшего солнца
на берегах бессмертья...
Бирюзовый рой цветущих молний выпивает звон,
слетая к векам,
В слепке речи не имеет сострадания игла,
О, ликование материи, достигшей предела бытия! =
Как с ней сравняться радость прошедших гордо
памяти черту?
Любовь моя, мгновение свободы =
Безжалостна, бесстенна и чиста.

..
К рассвету мы прилем на острова.
Н.Самойлович

Как птица некая разбита землей,
..исполненной холотным черным ветром,..
Стекло ломя, расколотое светом, парит над пельтой.
Выпятый вогой крылатый мок - как бормотанье темен -
звенит в стропилах,
Сумеречный хор промокших бабочек
в излучинах салов, обремененных северной листвой,
.. .. течет к низинам.
В сизом туме гниющих метленно отбросов,
Прикрыв глазница стеблями крапивы,
Повеселясь на буйном шире, тут беглый раб обрек прист,
Не скорбь, а смрад... Но поспеши, мой друг -
Ведь мы на островах, где целое разъято на множество
частей, которыми разбита сама река на тьмы теней.
Приснится ль Крит, гремящий отзвуком гончарным,
.. .. с тягучим привкусом смолистой крови,
да только плеск весла прозрачный возвращает
к неслыханным берегам.
Царят жасмины. Боярышник огромный дает росу,
На отмелах в густой осоке играют пти и коты,
И белоснежные хребты завершены падчами зрея.
Да, вот земля - здесь Бог твой бедный к свече летит,
А сторожа слепые, потруг целую грудь, его полет слепят,
И ум торжественный извилистое слово объемлет
.. .. тонким веществом, -
Нагнись. И зачерпни волы с песком,
Сестрой стеклянной еще кричит, смеясь, в нем грустная
лужа, привычные отринув очертанья,
И парус снегом движется в зрачках, которым мир..
не оправданье.

5

И опять низкие тучи тянутся с запада,
В чёрной пени ветвей кипящих.

пурпурный луч меркнет —
Зимы Элизий, увы, прозревает, каждая тварь мятежно.
Тогда что же осень? Кого ожиданье? Чего прозренье?
Забудь про лето... Словно шепот суфия

восхищённого весельем всаленной,
Семена клена кружат долго, сухо летанье,
И прежде чем сливаться им с промокшой землею,
В которой занимается благостное гниенье,
Я вспоминаю очарованье к солнцу плывущей чайки,
Излом неожиданный ее расправлennых крыльев,
Кровь серебристую в сочлененных стройно

тростниках—костях хрупких,

Скованных неосвязаемой нитью,
Крепость которой неслыханна.
И столь необорима слабость в плечах, теле,
Что руки не поднять, не отогнать комара постылого,
Единственного спутника этого повечерья.

Мой тридцать пятый год готов сорваться уже,
 будто плод. И долу падать — о, как же траву ту
     вообразить мне, куда он канет?
 Под пятой время свернется, сверкая,
 Змее подобно, вскипающей перед прыжком смертельным,
 И будет кратко оно — конца не почуя,
 Только ветвь золотая заката взметнется свободно,
 Взмоет, сухая, лицо опалая жаром, и поплынет тихо
     хриплая кровь по окнам,
 И от черных зеркал, испещренных сумрачным блеском,
 Меня вспять понесет, как бумажный кораблик, врача,
     в изначальный тот вечер —
 когда комком багровым, разматывая пуповину крика,
 лежал на пороге я ночи немощно, слушая ветер;
 И пели леса мглистыми голосами,
 Со стен сыпалась известь,
 А черные реки пространства еще текли зеркалами,
 И снилась лазурь им, которой станут,
 Но птицы света еще не клевали зрачок пустой
     сладко,
 Был только рев далекий, кропивший соленой пылью,
 А ныне речь иная шевелится в горле,
 как некогда я — иной — шевелился в чреве женском.
 Так что же, богам слать мне вызов?
 И, смежив веки, идти к воротографу заката,
 Ладонь расправив, ибо пустой лащиню я и отмечен
     в жизни...

А там, погребая солнце в яму последней ночи —
 Во тьму пристально вглядываться,
 В которой сквозит призрак воздушный?!

Мне снилось вновь — вечерняя зеря, том смутный,
 В аметистовом тумане нагретая за день земля,
 И сад еще не мертв — блаженно чист и влажен,
 как воздух в очарованных гортанях, бегущих по росе
 подруг —

Не вередицей ль птиц в хмельном испуге
 Их поведет потом лукавый Водолей,
 Татуируя синими звездами все, что осталось
 от беспечных тел?

Но сад живет еще. Раскидистая липа — ночлег луны —
 шумит в углу, и солнечная тень по лицу твоему.
 воспоминанье рек небесно броит.

Мне снилось утро дней и ты,
 притихшая, в отцветшем старом платье, — таких теперь
 не носят — кисти рук... и губы, похудевшие от счастья,
 И черным золотом звезда, горящая в купели мокрых
 веток.

И этот сон был так просторен, что в страхе затеряться
 в нем,

не открывая глаз, я медленно проснулся,
 как бы услышав голос, Вознеси хвалы
 Тому, кто в юности садами нам устилает времени пути.
 И я проснулся, я открыл глаза,
 За пеленою измученной окна нагое дерево рвалось
 по ветру,
 А в изголовье ангел бденья дышал на лезвие меча.

Воспоминанья длиннее был день,
Но смердалось и стрекозы упали в бесшумные топи трав,
Стекло пребезжало в рассоющихся рамах,
Золотился изгиб смутный, где день плавно переходит
к воспоминанию,

И в жилах существа полого,
брежущего на плитах пространства,
шевелился, светлея, ветер.

Всок век зеленоющих игла кармина тревожит,
Наступит ли завтра, чтобы с рук осенних губами тихими,
словно в метель свечи, смыть озаб
... препрасветный?

Завтра, рукой отведя шханье, отыскать пыльцу лазури
... в строеньях воды неподвижной,
Услышать, как рядом где-то лист отходит от тополя.
Радостный! Какую вечность суждено ему падать,
преступая преграды цвета?

На стеблях влага, бурьян крустит, красный мх белки,
Движенья капли цветут пред тем как поблекнуть,
Стрекозы запутались в травах, ресницы блуждающей
таянье,
К реки тонкий вскрик не гаснет, откликаясь
... в окне разбитом,
Откуда тянет холодом и нетленной прекрасной смертью.

Да кто же спросит меня: "куда и зачем?"
 И что им отвечу, если в вечернем тумане
 за листьями к темным холмам потянусь я безвольно,
 Как будто на родину, где обрученве с началом
 меня обратит наконец в безгрешный немеркнущий
 пепел!

Фарфоровый оттиск звезды в зрачке олицалом
 крошится,
 Вращается облако цивно, агония яблока плится,
 Но ужас подхватит тебя – немоту рассекая
 озерным клинком своих слез, назад ты отпрянешь,
 А кто отзовется? В тумане высок твой, как ветер,
 заноет,
 И боли фыгурка завертится, точно флюгер на крыше,
 И потемнеет высок твой, песок застремочет
 по просени серой газет на заснеженных пляжах.
 Вот чревней луной двоится наш рай, где читали
 по лицам нежнейшими бритвами листьев какие-то
 ветви,

Осталось одно – полноту обретаем в разлуке,
 Обугленный куст углубляет осеннее время пейзажа,
 И к темным холмам, спотыкаясь, бреду – паутина
 бессонна! «

Лишь шедест незрячий бежит за плечами – это
 бабочки детства стекают к запястьям сухой
 и томительной дрожью.

Мы снами платили ночам, чтобы те не кончались,
 Допишешь – потянется тлинная тень и, как ангел,
 качнется фонарь разбиваюсь,
 И содрогнется твой голос, но кто отзовется?
 Никто. А тот, кто не плакал – заплачет.